

«Единственный кандидат в святые от литературы нашей»

СЕГОДНЯ ИСПОЛНИЛОСЬ
230 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВАСИЛИЯ АНДРЕЕВИЧА
ЖУКОВСКОГО

Пушкин пророчил: «Его стихов пленительная сладость пройдет веков завистливую даль...»

Пророчество пророчеством, но спросите-ка современных школьников, какие стихи Жуковского они помнят наизусть, вряд ли многие в ответ выдадут хоть одну цитату.

«Стихи Жуковского были для нас не только стихами, но было что-то другое под звучной речью; они уверяли нас в человеческом достоинстве, чем-то невыразимым обдавали душу — и бодрее душа боролась с преткновениями науки, а впоследствии — с скорбями жизни», — писал о его поэзии Владимир Одоевский. И сегодня стихи Жуковского ничуть не устарели и все так же помогают жить. В них — отражение его натуры: романтизм, печаль о бренности бытия и неминуемости смерти, культ памяти.

Предлагаем вспомнить поэта милостью божьей, романтика и мечтателя, человека с «небесной душой», кому только на своем веку не помогавшего — и добрым словом, и деньгами, и хлопотами у сильных мира сего, ведь судьба распорядилась так, что он был учителем императрицы Александры Федоровны, супруги Николая Первого, а затем воспитателем будущего императора-освободителя Александра Второго.

По традиции мы прошли по адресам, связанным с жизнью поэта. Однако прогулка вызвала не только ностальгические воспоминания о былом, но и горькие мысли о настоящем. Петербург стремительно разрушается, теряя свое лицо и постепенно утрачивая свою душу. Уничтожаются не только дома, но целые кварталы, а вместе с ними — сама память о прошлом.

А ведь память и ее святость для человека — один из главных мотивов поэзии Василия Андреевича Жуковского.

Этот портрет, написанный блистательным петербургским художником Карлом Брюлловым (1838), помог обрести свободу украинскому поэту Тарасу Шевченко.

Вспоминая об этом, Шевченко писал в своей биографии: «Жуковский, предварительно узнавши цену от помещика, просил К. П. Брюллова написать его, В. А. Жуковского, портрет с целью разыграть его в лотерею... Великий Брюллов охотно согласился. Портрет написан. В. А. Жуковский с помощью графа М. Ю. Вильгорского устроил лотерею в 2500 рублей ассигнациями, и этой ценою была куплена моя свобода...»

96 ступеней вверх, или Жизнь на чердаке Новый Эрмитаж, Миллионная, 35 (на этом месте стоял знаменитый Шепелевский дом)

Западный угол Зимней канавки и Миллионной улицы (дом №35) занимает так называемый Новый Эрмитаж, построенный монашеским архитектором Лео фон Кленце в 1839 — 1852 годах для разросшихся коллекций Эрмитажа. Со стороны Миллионной — портик с теробеневскими атлантами.

А раньше здесь стоял «Шепелев дом», сооруженный когда-то по проекту Растрелли для гофмаршала Шепелева, а позднее перестроенный при участии Джакомо Кваренги. В Шепелевском доме, принадлежавшем придворной конторе, Жуковский жил с 1827 до 1839 года.

Поэт-романтик, так уж сложилась его судьба, оказался тесно связан с императорской фамилией. Еще в 1816 году он познакомился с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, стал при ней чтецом. В 1817-м его попросили учить русскому языку немецкую принцессу Шарлотту — будущую императрицу Александру Федоровну, а осенью 1826-го он был назначен на должность наставника наследника престола, будущего императора Александра II.

Жуковский оказался хорошим учителем, который не только мог дать своему ученику обширные знания во многих областях, но и воспитать человеческие качества. Сам он освободил своих крестьян еще в 1823 году, цитируя Шиллера, которого много переводил: «Человек создан быть свободным, и он свободен. Даже если бы он родился в цепях». Кто знает, быть может, именно его воспитание подвигло позднее императора Александра Второго на освобождение крестьян от крепостной зависимости.

Александра Смирнова-Россет, бывшая фрейлиной императрицы и тоже живущая во дворце, на третьем этаже, где сейчас коллекция импрессионистов и постимпрессионистов, вспоминает, как нелегко было больному, тучному Жуковскому взбираться к себе, преодолевая 96 ступеней: «Комнаты его в третьем этаже Шепелевского дворца были просто, но хорошо убраны. «Только, — говорил он, — жаль, что мы так живем высоко, мы чердашничаем».

Петр Вяземский называл эту квартиру Жуковского «олимпийским чердаком». Здесь продолжались «субботы», бывали Пушкин, Крылов, Одоевский, Гоголь, Грибоедов, Адам Мицкевич.

Но не только. «С утра на этой лестнице толпились нищие, бедные и просители всякого рода и звания. Он не умел никому отказать, баловал своих просителей, не раз был обманут, но его щедрость и сердлобие никогда не иссякали. Однажды он мне показывал свою записную книгу: в один год он роздал 18 000 рублей (ассигнациями), что составляло большую половину его средств», — вспоминает Смирнова-Россет.

Поэт покинул «чердак» в 1839 году. Вещи его перевезли в Мраморный дворец, ему самому отказали в субсидии под предлогом, что срок наставничества у наследника завершился. А Шепелевский дом, уцелевший при страшном пожаре Зимнего дворца 1837 года, снесли.

Новый Эрмитаж, выстроенный на этом месте, считался невеликой удачей в архитектуре, многие полагали, что здание не вписывается в великокопные панорамы Петербурга. Сегодня странно читать о недовольстве современников. Посмотрели бы они на Маринку-2!

«Ах, Гаврило, как славно пахнет! Должно быть, хорошие щи!» Невский проспект, 80

Огромный дом, стоящий неподалеку от Литейного проспекта, когда-то принадлежал графу Дмитрию Блудову — литератору, дипломату, с 1826 года занимавшему пост министра просвещения.

В 1817 году здесь одно время жил Жуковский. А в 1816 — 1818 годах собирались члены литературного общества «Арзамас», к которому принадлежал и наш поэт. Здесь бывали Александр Тургенев, Константин Батюшков, Петр Вяземский, Василий Львович Пушкин, Николай Карамзин. И конечно же, Александр Пушкин. Весь цвет русской литературы. Собирающиеся здесь были еще молоды и не только обсуждали судьбы литературы, но и много веселились, даже дурачились. Они пародировали мasonicские логи и акт посвящения в масоны. У всех были забавные клички. Пушкина называли Сверчком, Блудова — Кассандрой, Тургенева — Золотовой Арфой, а самого Жуковского — Светланой.

Дочь графа Блудова Антонина вспоминала: «Когда батюшка жил холостым в Петербурге, он получал очень скудное содержание (а натура его была русская, тароватая), и в два первые месяца у него выходила почти вся треть. Он берег ровно столько денег (по рублю на вечер), чтобы всякий день ходить в театр, который он страстно любил: вместо же обеда, завтрака и ужина он с своими любимыми друзьями, Жуковским и Тургеневым, довольствовался мороженым с бисквитом у кондитера Лареды, где у него был открытый кредит. Но 19-летний аппетит не мог насытиться мороженым. «И чтахезонько бывало, — рассказывал Гаврило (слуга Жуковского, —

Авт.), — они, мои голубчики, приходят домой, когда я варю себе обед: проходят мимо и говорят: «Ах, Гаврило, как славно пахнет! Должно быть, хорошие щи!» А я уже знаю: у меня и щей довольно, и приварок есть на всех; и они, бывало, так-то убирают! Видно, что голодные!»

После дом был сильно перестроен. А уже в наши времена сначала был признан аварийным, потом реконструирован некоей фирмой и превращен в торгово-офисный центр.

Граф Дмитрий Блудов впоследствии был председателем комиссии для издания посмертных сочинений Жуковского.

«Свет всегда жил в Жуковском. Скромностью своей, смиренным приятием бытия, любовью к Богу и ближнему, всем отданием себя он растил этот свет... Если вспомнить, кого только не спасал он, не выкупал из неволи, кому не раздавал денег, за кого не кланялся перед сильными мира сего, за каких декабристов, не любя их, не хлопотал у самого Николая Павловича... Если вспомнить, что это был человек совершенной чистоты и душа вообще «небесная», то ведь скажете: единственный кандидат в святые от литературы нашей».

Борис Зайцев. «Жуковский»

«Храни меня, мой талисман» Наб. реки Мойки, 12

Пушкин и Жуковский, несмотря на разницу в возрасте, были дружны много лет. Жуковский рано разглядел в Пушкине великого поэта, написав тому, 25-летнему: «Ты имеешь не дарование, а гений». Пушкин же высоко ценил не только поэтический дар, но и нравственные, человеческие качества своего учителя: «Что за прелесть чертовская его небесная душа».

Так вышло, что их памятные даты совпадают во времени. 8 февраля — годовщина со дня рождения Жуковского, а 10-го — день памяти Пушкина. Мойка, 12, — еще один петербургский адрес, значимый для биографии Жуковского. Именно он неотлучно находился возле умирающего Пушкина, а после смерти заботился о его семье и о рукописях. Жуковский оставил и воспоминания «Последние минуты Пушкина». Пушкин завещал Жуковскому свой перстень, талисман с загадочной каббалистической надписью, когда-то подаренный ему в Одессе графиней Елизаветой Воронцовой.

Затем перстень перешел к Ивану Тургеневу, а после его смерти Полина Виардо передала его Пушкинскому музею Александровского лицея. Талисман был похищен из кабинета директора музея в марте 1917 года. Судьба его до сих пор неизвестна.

Нам остались только стихи Пушкина: «Храни меня, мой талисман». Не сохранил, да и сам исчез бесследно в лихолетье XX века...

Этот памятник стоит в той части Александровского сада, которая граничит с Дворцовой площадью. Работа над ним началась в 1883 году, чтобы успеть к 100-летию со дня рождения поэта. Средства на установку памятника дал врач Карл Зейдлиц. При создании памятника скульптор Василий Крейтман опирался на живописные портреты поэта, написанные при жизни Жуковского. Новый бюст выполнили из бронзы, а сам постамент — из финляндского гранита красного цвета.

Памятник Жуковскому был открыт в торжественной обстановке 4 июня 1887 года. По переднему фасаду монумента золочеными буквами выгравирована надпись «Василий Андреевич Жуковский». Ниже ее идут строки стихотворения Пушкина, посвященные его творчеству:

«Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе
младость,
Утешится безмолвная печаль,
И резвая задумается радость...»

На левой и правой сторонах постамента прописаны замечательные строки из поэзии самого Жуковского.

Например, несколько строк из его «Ундины»:

«Бывали дни восторженных видений;
Моя душа поэзией цвела;
Ко мне летал с вестями чудный Гений;
Природа вся мне песнию была».

Поэт Михаил Дудин рассказывал историю, как в январе 1942 года увидел у этого памятника... красные цикламены. Быть может, это легенда. Но какая красивая легенда!

А в наши дни бюст Жуковского был сброшен с пьедестала вандалами, разгрявшимися после концерта «Ролинг-стоунз» на Дворцовой площади летом 2007 года.

Зинаида АРСЕНЬЕВА, фото Наталья ЧАЙКИ

«К тебе, Жуковский, заезжали, Но, к неописанной печали, Поэта дома не нашли...» Улица Римского-Корсакова, 43/ Крюков канал, 11

Начнем с дома Брагина на улице Римского-Корсакова, 43. Четыре этажа, небольшие балконы, никаких архитектурных излишеств. Впрочем, когда здесь жил Жуковский (1818 — 1819 годы), старинный дом XVIII века, принадлежавший купцу Брагину, был еще трехэтажным. Четвертый этаж архитектор Мельников надстроил позже, в 1830-е годы. Дом стоит на углу, одним из фасадов выходит на Крюков канал. Самый высокий доходный дом. Но в этом его прелесть — он словно воплощает дух старого Петербурга, Коломны. Из окон дома открываются виды на Никольский собор, Эстонскую православную церковь и задумчивый, романтический Крюков канал.

Здесь, в квартире №10, которую 35-летний поэт делил с Плещеевым, на-

чались его знаменитые «субботы», вошедшие в историю русской литературы. Здесь бывали Петр Вяземский, генерал Николай Раевский, баснописец Иван Крылов. Юный Пушкин читал здесь отрывки из своей поэмы «Руслан и Людмила». Одно время он жил в Коломне, в квартире родителей, неподалеку от Крюкова канала и часто навещался в гости к своему учителю.

Телефонов тогда не было, и однажды Пушкин с Николаем Раевским-младшим, не застав Жуковского дома, прикрепили прямо к дверям его квартиры шуточную записку в стихах: «Раевский, молодецек прежний, А там уже отважный сын, И Пушкин — школьник неприлежный Парнасских девственниц-богинь К тебе, Жуковский, заезжали, Но, к неописанной печали, Поэта дома не нашли...»

От Крюкова канала и Коломны, хранящих память о тех, кто создавал русскую литературу, и об их героях — от пушкинской Параше до Настеньки и Мечтателя Достоевского и Родиона Раскольников, остается все меньше.

В последние годы, для того чтобы построить вторую сцену Мариинского театра, был стерт с лица земли целый квартал. Амбициозный проект Валерия Гергиева, на который были потрачены баснословные деньги, обернулся шпиком — казенного вида коробкой из стекла и бетона. Особенно удручает «мост вздохов», перекинутый через Крюков канал и соединяющий две сцены Мариинки — старую и новую. Осталось превратить Новую Голландию в торгово-развлекательный центр, чтобы окончательно убить «гения места».

